

Личность как миф и мифы личности

Елена Всеволодовна Золотухина-Аболина

доктор философских наук, профессор

Южный федеральный университет

elena_zolotuhina@mail.ru

Аннотация: Статья посвящена рассмотрению мифа как целостного эмоционально-образного, внерационального представления человека о мире и о самом себе. Миф увиден автором как неотъемлемая характеристика человеческой жизни. Личность мифологична для самой себя, так как она видит себя иначе, чем ее видят другие, а также потому, что она существует во времени, а прошлое и будущее актуально не даны, смутны и являются предметом построения фантазий и интерпретаций. В силу этого одной из ведущих мифологических тем выступает для личности тема судьбы, простирающейся из прошлого через настоящее в будущее. Она выражена, прежде всего, в мифе проекта-призвания, характерного для юности и трактующего человеческую жизнь как наделенную внутренней программой, которую следует выполнить. Следуя идее А.Ф. Лосева, что у каждого человека есть свой миф, и идее Х. Ортеги-и-Гассета, что любой наделен индивидуальным проектом, автор полагает, что экзистенциальный миф о проекте действительно присущ людям, хотя он вовсе не обязательно имеет религиозные или эзотерические корни. Философы, говорится в статье, пытаются создать образ всечеловеческого «проекта призвания», каковым выступает творчество (продуктивность, креативность). Жизнь, прожитая креативно, оказывается оправдана. Второй миф, рассмотренный в статье – это миф личного прошлого. Миф прошлого может быть светлый и темный (критический), но в любом случае он способен выражаться в виде метафор, выделяющих главную линию прожитой жизни не только в вербальной, но и в визуальной форме, что используется современными психотерапевтами. Статья завершается утверждением, что гуманистический миф судьбы поднимает человека над обыденными потребностями и вдохновляет его на свершения.

Ключевые слова: миф, личность, личность как миф, мифы личности, судьба, проект-призвание, будущее, прошлое, воплощение проекта.

Personality as a myth and myths of personality

Elena V Zolotukhina-Abolina.

Ph.D., Full Professor

Southern Federal University

elena_zolotuhina@mail.ru

Abstract: The article is devoted to the consideration of the myth as a holistic emotional-figurative, non-rational idea of a person about the world and about himself. The author sees the myth as an integral characteristic of human life. A personality is mythological for itself, since it sees itself

differently than others see it, and also because it exists in time, and the past and future are misty, not given actually, and are the subject of constructing fantasies and interpretations. Thus, one of the leading mythological topics for the individual is the theme of fate, stretching from the past through the present into the future. It is expressed, first of all, in the myth of the project-calling, characteristic of youth and interpreting human life as endowed with an internal program that must be completed. Following the idea of A.F. Losev that every person has his own myth, and the idea of H. Ortega-y-Gasset that everyone is endowed with an individual project, the author believes that the existential myth about the project is really inherent in people, although it does not necessarily have religious or esoteric roots. Philosophers, the article says, are trying to create an image of a universal "project of calling", which is creativity (productivity, creativity). A life lived creatively turns out to be justified. The second myth discussed in the article is the myth of the personal past. The myth of the past can be light and dark (critical), but in any case, it can be expressed in the form of metaphors that highlights the main line of a lived life, not only in verbal, but also in a visual form, which is used by modern psychotherapists. The article ends with the statement that the humanistic myth of fate raises a person above everyday necessities and inspires him to new achievements.

Keywords: myth, personality, personality as a myth, personality myths, fate, project of calling, future, past, project implementation.

Постановка проблемы: миф- человеческий способ быть

Миф — одно из универсальных, многоплановых и многосмысленных понятий, активно работающих в различных гуманитарных и социальных дисциплинах. История культуры и литературоведение, философия и психотерапия по-разному толкуют миф, соответственно приписывая ему различные функции и возможности. В предлагаемой читателю статье я оставляю в стороне как рассмотрение мифов в качестве кочующих сакральных историй, присущих практически всем народам, так и представления о современных мифах как образно воплощенных идеологемах, разрабатываемых специалистами для широких масс. Миф в рамках данного текста — это *целостное эмоционально-образное представление человека о мире и о самом себе*, и даже когда оно выражено в словах, то все рано остается по сути *внерациональным*.

В рамках избранной темы акцент делается именно на личности, на Я, представленном в мифологической, эмоционально-образной форме. От сценария (термин, которым пользуются психотерапевты) «миф Я» отличается именно тем, что он — не схема, он актуально переживается, непосредственно чувствуется, проявляется в спонтанном выборе, снах, мечтах и грезах. «Созидание мифа и созидание души имеют прямую связь друг с другом - пишет Дж. Хиллман [1, с. 14]. О мифе как *прочувствовании* жизни пишет также Дж. Кэмпбелл [2, с. 24].

Итак, предмет моего рассмотрения — *личность, ее «мифологический статус» для себя самой*, те мифы, которые она сама творит, строя свои жизненные планы и вспоминая минувшую личную историю. Таким образом, это в немалой степени *мифы темпоральные*, ибо прошлое и будущее являются тем, что непосредственно не дано нам в текущем настоящем, выступает как образ воображения или воспоминания. Мифология рождается из стихии временности, из того «тумана», в котором едва проступают контуры событий грядущего и который завлакивает память о прошлом. Предметом мифологизирования является и само Я, поскольку мы видим себя иначе, чем другие люди видят нас, да и для себя самих мы не можем быть полностью рефлексивны и самоотчетны. Во внутреннем мире нет прозрачности, он глубок и непрогляден, и из этой непроглядности способны рождаться как боги, так и чудовища — постоянные герои мифологии.

Древние мифы, сложившиеся в ранние эпохи развития человечества, еще в дописьменной истории, тесно связаны с этими внерациональными пластами внутреннего мира человека как такового. Поэтому они проявляются и в современных людях, в их «мифах о себе». Об этом пишет К.-Г. Юнг, как и уже упомянутые Дж. Кэмпбелл, и Дж. Хиллман. Однако на базе таящихся в глубине бессознательного архетипов, на основании услышанных в детстве волшебных историй, пронизывающих культуру, индивид строит свой *собственный миф* – миф себя как существа, имеющего благородное предназначение или же отягощенного проклятием, как того, кто обладает совокупностью неповторимых индивидуальных качеств, кому предназначено *именно так* чувствовать, любить, ненавидеть, как делает это он.

Я. Э. Голосовкер пишет об этом в работ «Миф моей жизни»: «Есть жизни, которые таят в себе миф. Их смысл в духовном созидании: в этом созидании воплощается и раскрывается этот миф. Творения такой жизни суть только фазы, этапы самовоплощения мифа. У такой жизни есть тема. Эта тема сперва намечается иногда только одним словом, выражением, фразой. Это слово и выражение суть только пункт или ядро словесного контекста, пятно на фоне. Затем тема развивается (красной нитью). Фраза может превратиться в этюд, брошенный намек — в явный сюжет. Так возникает мифотема» [3, с. 133].

Голосовкер говорит «Есть жизни...», и это наводит на мысль, что существуют и другие жизни — не связанные с личным мифом. Действительно, у всех ли индивидов наличествует мифотема? Ибо сколько людей проживают жизнь вслепую, не оборачиваясь на себя ни интуитивно, ни рефлексивно! Казалось бы, можно оставить прерогативу «личного мифа» только избранным... Однако, А.Ф. Лосев, например, считал, что собственный миф есть у всех. Он пишет: «Всякая живая личность есть так или иначе миф, по крайней мере в том смысле, как я понимаю миф» [4, с. 461]. И далее сутью мифа дл Лосева оказывается чудо – чудо хотя бы частичного совпадения материально-вещественной стороны жизни человека с ее идеальной заданностью – первообразом [4, с. 550]. Думается, можно согласиться с А.Ф.Лосевым, «личный миф» есть у всех, только не все его сознательно обнаруживают, как не все задумываются над своей сопричастностью с общими мифами – рода, народа, человечества.

Каков же набор тем, характерных для мифа или мифотемы жизни? По сути, мы уже назвали их: это темы будущего и прошлого — то, что может резюмироваться в понятии *судьбы*. Само понятие судьбы мифологично и эзотерично, вы не найдете этого слова в сциентизированном языке, будь то язык историка, психолога или философа. О судьбе размышляют сугубые гуманитарии, ощущающие очарование того, что не поддается однозначному пониманию. Миф судьбы загадочен, он заставляет беспокоиться, ибо включает в себя тревогу об исполнении *личной миссии*, об *оправдании* собственной жизни и *самопожертвовании*, а также полагает набор *одобряемых и не одобряемых культурой личных качеств*. Думается, ощущение и переживание «истинности» или «неистинности» своего пути есть у всех людей, но, конечно, у философов, ученых, художников развитых «миф собственной жизни» становится предметом особого размышления и анализа, хотя этот анализ может выступать не в строго-логической, а в образно-поэтической форме. К тому же этот личный миф нередко становится неким предложением, советом и даже повелением для других людей и «человека вообще».

В рамках статьи мы не можем воспользоваться материалами автобиографий, где выдающиеся персоны прямо или косвенно излагают собственный миф, или биографий, где сторонний исследователь пытается эксплицировать чужой «личный миф». Однако можем в самой общей форме обратимся к мнениям философов о мифах личности, связанных с темой судьбы.

Миф предназначения

Миф проекта-предназначения ярко представлен философами XX века, особенно первой его половины. Он описывается М. Шелером, Х. Ортегой-и-Гассетом, Г. Зиммелем, о нем говорит М.Хайдеггер. Ж.-П.Сартра вряд ли можно причислить к этой когорте «мифологов предназначения», потому что Сартр отдает проект в руки самого человека, который волен его выбирать, менять, переиначивать, то есть, сам принимает решения. Хотя Сартр противоречив и считает свободный выбор спонтанным, то есть, не оставляет места рациональной рефлексии. Однако, поскольку для него нет ничего «над человеком», его внерациональный индивид не следует «мифам», а только внутренним импульсам. Сартр, яростный атеист и разоблачитель иллюзий, не может позиционировать себя как «мифолог».

Авторы, размышляющие о предназначении-призвании так или иначе полагают, что в ход человеческой жизни присутствует некая *внутренняя логика, упорядоченность, программа*, идущая от предполагаемых высших инстанций, которые незримо руководят нашим существованием. Судьба, определяемая в работах раннего М. Шелера как предназначение человека к спасению, данное Богом, являет собой для индивида то, что может «состояться с ним и *только с ним*» [5, с. 342]. Г. Зиммель тоже отдает должное сюжету судьбы-призвания, рассуждая о «жизненном приключении», Он отмечает: «Тот, кто обладает такой установкой (установкой на приключение – *Е.З.-А.*) по отношению к жизни, должен чувствовать над ее целостностью некое высшее единство, как бы сверхжизнь, которое относится к ней, как непосредственная тотальность жизни к отдельным переживаниям, служащим нам эмпирическими приключениями. Может быть, мы принадлежим к метафизической сфере, может быть, наша душа живет в трансцендентном бытии таким образом, что наша сознательная земная жизнь не более чем изолированный отрезок некоей неизреченной связи совершающегося над ней существования» [6, с. 132]. Строя свой миф предназначения, Х. Ортега-и-Гассет пишет: «Мы с неизбежностью – тот программный персонаж, который призван осуществить самого себя» [7, с. 439].

Все авторы, которые указывают на «миф проекта», отмечают, что люди нередко уклоняются от исполнения своего предназначения, их отвлекает множество других вещей, тяготит необходимость преодоления препятствий, потому они оказываются не способны реализовать себя. Более примитивные и грубые желания способны отеснить «чувство предназначения», хотя оно, пусть даже до определенного момента неосознанное, выступает как серьезный мотив поступков. Это властное тяготение к конкретному виду деятельности, к индивидуальной форме воплощения своих сил и потенций, к общению и сближению с определенным кругом лиц. Если человек побеждает сиюминутные искушения и с энтузиазмом следует своему проекту-мифу, всегда устремленному в будущее, то он, как отмечают авторы, чувствует себя счастливым и состоявшимся, его жизнь оправдана, и в старости он может сказать, что он не зря пришел в мир.

Надо отметить, что «сценарии», описанные Э. Берном, не относятся к «мифам проекта», так как это бессознательные установки негативного характера. Они отнюдь не вдохновительны, напротив, постоянно ввергают индивида в конфликты и ведут к деградации, а не к успешному воплощению талантов.

При разговоре об истоках «проекта-призвания» внеконфессиональные философы XX века (Хайдеггер, Ортега-и-Гассет), не высказывается внятно, они ссылаются на туманный экзистенциал «бытия», который никак не определяется. В то же время, в западной культуре издавна существует мистико-эзотерическая линия, утверждающая, что предназначение, которое присуще каждому, имеет вполне конкретные корни. Согласно этим взглядам, сверхчеловеческие духи — «Блюстители кармы» составляют план жизни и вменяют его младенцу при рождении. Те же идеи характерны для индуистского и буддистского Востока.

Это тоже миф, который невозможно с достоверностью проверить, и который актуализировался в европейской культуре во второй половине XX века. Впрочем, если исходить из эмпирических реалий, мы обнаружим, что современные люди имеют весьма разноречивые представления о том, существует ли некий заданная им свыше программа, откуда она пришла, и должны ли они ее искать и исполнять. Светски воспитанный человек чаще всего полагает, что его склонности и планы — исключительно его личное дело, он сам создает свой жизненный путь: как сделаю — так и будет. «Кармический миф» рассматривается скорее как экзотика. И это не удивительно: христианство не принимает идеи кармы и не вдается в анализ вопроса о земной траектории конкретного человека, а атеизм отдаст этот сюжет на откуп самому индивиду — существу смертному, материальному, но обладающему свободой. Поэтому тема судьбы оказывается *мифом чисто экзистенциальным*, не укорененным ни в какой идеологии и системе воззрений. Во главу угла ставится индивидуальное целеполагание и личное усилие, хотя и ограниченное «ситуацией» — историческими предпосылками и случайностью.

При этом одни люди раньше или позже ощущают «зов проекта», нередко трактуемого как результат генетической предрасположенности или семейных установок (*семейного мифа*). Другие мечтают между разными формами самореализации и часто просто безрезультатно расходуют себя. Третьи и не помышляют ни о каких подвигах, призванных оправдывать их бытие: они существуют по шаблону и предпочитают предаваться текущим чувственным удовольствиям или опускаться и гибнуть. Каждый в одиночку на свой страх и риск создает параметры оправданности и исполненности собственной жизни и меряет себя по ним, нередко просто ориентируясь на социальную иерархию успеха, на то, что принято считать «достойным жизненным путем».

Тем не менее, философы, захваченные *мифом проекта*, выступающего как экзистенциально-антропологическая универсалия, хоть и не претендуют на выявление проектов конкретных личностей, тем не менее, стремятся сформулировать его *в общей форме для всех людей*. Это разговор о старании достичь того лучшего, что и вносит в нашу жизнь смысл, и оправдывает ее. Так отечественный философ Н.Бердяев, неортодоксальный христианский мыслитель, пишет: «...человек, сотворенный Творцом и по его образ и подобию, есть также творец и призван к творчеству» [8, с. 117]. То есть, его, бердяевский миф состоит в том, что *творчество*, пусть драматическое и противоречивое — важнейшее призвание человека вообще. Достаточно близки к представлению Н.Бердяева воззрения философов нехристианских, занимающих сложную мировоззренческую позицию между светским сознанием и мистицизмом — Э. Фромма и А. Маслоу. Их миф «универсального призвания» очень похож на подход Н. Бердяева. У Маслоу внутренним стремлением человека является самоактуализация, она — его незримый ориентир и состоит опять — таки в стремлении к творчеству, которое Маслоу именуется креативностью. «Высока вероятность того, — пишет А. Маслоу, — что... первичная креативность... генетически заложена в каждом из нас. Она универсальна и не в коем случае не уникальна. Ее можно обнаружить у каждого здорового ребенка. В детстве каждый из нас был креативен, но многие, повзрослев, потеряли это качество» [9, с. 95]. У Э. Фромма речь идет о близком явлении, называемом продуктивностью. Каждый человек может быть продуктивен! В каждом заложен внутренний посыл к тому, чтобы силой любви, разума и воображения оживлять любую ситуацию. Быть живыми, продуктивными, проявлять здоровую фантазию, стремиться к максимальному воплощению своей благой природы — явный или скрытый проект любого человека: «...продуктивность есть реализация человеком его потенциальных возможностей, реализация его *сил*» [10, с. 79].

Прекрасный гуманистический миф о предназначении любого человека к развитию и креативности, к богатству жизненных переживаний и в конечном счете к исполненности индивидуальной судьбы имеет целый ряд оппонентов, одни из которых высказали свои

взгляды на предназначение человека задолго до того, что мы называем современностью, другие, напротив, бегут впереди прогресса, предваряя пути дальнейшего развития.

Так, согласно уже имеющим долгую историю протестантским воззрениям, в особенности характерным для кальвинизма, предназначение, конечно, есть у всех, потому что Господь заведомо распорядился человеческой судьбой. Только проект одних — это спасение души, а проект других — это гибель. То есть, у человечества нет единого универсального предназначения, а люди исходно поделены на принятых высшими инстанциями и проклятых. Нищий оборванец может быть заранее уверен, что он проклят, и перспектива его — быть в аду.

Сегодняшняя «мифология предназначения» не говорит так явно о неизбежном различии проектов будущего и траекторий судьбы, она, скорее, прозрачно намекает на несопоставимость перспектив. Например, уже набивший оскомину *миф трансгуманизма*, несомненно, имеет в виду, что далеко не все человечество превратится в сверхчеловеческих киборгов, обладающих суперспособностями, могучим интеллектом и независимостью от внешних физических факторов. Делать всех такими нет ни нужды, ни ресурсов. Потенциальным бессмертием и огромной властью будет обладать узкий круг элиты, в то время как призвание остального человечества — то ли сгинуть за ненадобностью, то ли превратиться в службу своих сверхчеловеческих современников. Не очень-то приятный проект приписывается здесь большинству. Впрочем, оставим тему проекта и обратимся к другому кладезю личностной мифологии — воспоминаниям о прошлом.

Миф прошлого — личная биография

Понятно, что речь идет не о фиксируемых и проверяемых датах — родился, учился, женился — хотя и здесь бывает путаница и неясности. Даже факты личной истории, например, рождения, детства, те, о которых человек узнает от других, могут быть нечаянно или намеренно искажены, перевераны, и тогда провалы в истинном знании сразу заполняются мифологией. В подобном случае *миф прошлого* создается другими людьми, старшими, но миф может создаваться и самим индивидом, если он стыдится условий своего происхождения, считает, что лучше навести тень на ясный день, и, что интересно, сам начинает верить в собственное сочинение. И это понятно, потому что созданный миф становится условием его дальнейшего развития, продвижения, самоутверждения. Впрочем, мифы, связанные с рождением и детством присущи не только тем, кто хочет скрыть или не знает ранних биографических событий. Люди, рожденные в статусных семьях и гордящиеся этим, в свою очередь создают личную и семейную, *родовую мифологию*, как правило направленную на самоутверждение и возвеличивание истоков, приведших их в мир. «Миф чудесного рождения» — это миф о всяком Герое, и обычные люди чаще всего тоже хотят возвысить тем или иным образом представление о своих ранних годах.

Поскольку мы живем во времени, то прошлое сохраняется для нас прежде всего своей и чужой живой памятью, а личная биографическая история далеко не всегда фиксируется в текстах. Память же избирательна, в ней много провалов, она сохраняет одно и пропускает другое. Мы многого не помним, а «эпоха письменности» в масштабах истории человечества не так уж велика: множество поколений не писало ни писем, ни дневников, а в нынешнюю электронную эпоху подробное изложение событий и переживаний в письмах вновь исчезает, заменяясь краткими строками СМС. Все это оставляет простор для *личного «мифа прошлого»*: обогащения событий интерпретациями, заполнения лакун сегодняшней фантазией. Мы не можем не обращаться к прошлому, потому что оно — наша часть, но не можем не мифологизировать его, чаще — с его мифологизации утверждая себя, реже — пытаясь с его помощью переосмыслить прошлое и прийти к необходимым личным изменениям.

Д. Лоуэнталь в книге «Прошлое — чужая страна» [11], обращаясь к культурным практикам, сохраняющим прошлое, перечисляет ряд способов его сбережения и

воссоздания в настоящем: традиция, восприятие прошлого как образца, идеализация прошлого, имитация его, единение с ним, раздумья о нем. В принципе то же самое относится к личному прошлому, которое входит в статус мифа похожими способами. Человек сакрализирует и мифологизирует моменты «личной традиции», строит на ней свою идентификацию, повторяя то, что было характерно для его собственного становления. Прошлое может быть *идеализировано*, воспринято однозначно прекрасным: «снег был белее и сахар слаще», причем негативные моменты игнорируются. Манеры и эпизоды прошлого могут войти в настоящее как имитация: так в старости повторяют шутки своей молодости, практикуют те же увлечения и как в юности следуют моде, хотя юность — уже миф, а не факт. *Единение* с личным прошлым тоже имеет мифологическую природу: человек уже бесповоротно изменился, но хочет сам себе казаться прежним. Это знакомо всем пишущим дневники: со страниц тетрадки на тебя смотрит другой человек, хотя ты безнадежно пытаешься с ним слиться. Это показывает, что и наличие текста, фиксирующего впечатление, не спасает: переживания записаны, но они — миф «тебя прошлого» для тебя-сегодняшнего.

Интересно, что Лоуэнталь не упоминает такого вида сохранения прошлого, весьма типичного для современной социальной памяти, как критика и негативная оценка. Вместо *светлого мифа* создается *темный миф*, который, также как светлый, не соответствует богатству реальности прошлого. Разоблачительство в отношении отечественной истории и требования разного вида покаяний характерны и для России, и для постфашистской Германии, и сегодня — для США. Но подобный феномен можно обнаружить и в автобиографических произведениях, причем отнюдь не тогда, когда прошлое было ужасным. Такой иронично-раздраженный и критический миф создает о своем детстве Жан-Поль Сартр, захваченный собственной методологической идеей разоблачения обманов и самообманов. Так, он не жалеет своей любящей родни, описывая ее как разыгрывающую сплошной демонстративный спектакль: «Дед меня обожал — это видели все. Любил ли он меня? В страсти, столь рассчитанной на публику, трудно отличить, где искренность и где притворство. Мне что-то не помнится, чтобы дед проявлял особенно пылкие чувства к другим своим внукам» [12, с. 32]. Хотя и себя он не жалеет тоже: «... вот уже десять лет, как я — человек, очнувшийся после тяжелого, горького и сладостного безумия: трудно прийти в себя, нельзя без смеха вспоминать свои заблуждения, неизвестно, что делать со своей жизнью...» [12, с. 172]. Сартр подозрителен и критичен к прошлому и к настоящему, к себе и к другим, и это, делает его «личный миф» *глубоко противоречивым*.

Мифами личного прошлого в начале 2000-х годов занималась психолог Вероника Нуркова [13]. Создание целостной автобиографии («мифа личного прошлого») по ее мнению тесно связано со смыслообразованием и образованием Я-концепции — целостного, интегративного представления о себе, а от этих двух моментов зависят и жизненные стратегии личности, и коммуникация с другими людьми. Обзор собственного прошлого — сознательный или бессознательный, произвольный или непроизвольный, включающий и яркие моменты и провалы памяти — выливается в метафору судьбы, в миф о судьбе, предполагающий дальнейшее активное «судьбостроительство». Автобиография, получившая свое ёмкое резюме, обретшая с помощью взгляда в прошлое некую *сквозную жизненную тему*, нередко получает облик *метафоры*. Люди вполне мифологически определяют свою судьбу как «кибитку», «полет кометы», «флюгер» и т.д. Если поразмыслить, можно вообразить себе и образ качелей, и картину широкой дороги, и метафору блуждания в закоулках. В любом случае доминирует не рационально-когнитивный, а *эмоционально-образный подход*, но это ничуть не мешает осмыслению, поскольку язык метафоры и мифа вполне внятны для нашего внутреннего мира. У современных психологов существует проективная методика метафорических карт [14], где людям, затрудняющимся осознать собственный жизненный путь и ухватить суть «личного

мифа» предлагаются специально созданные художниками изображения. Миф-метафора может быть выбран из предложенного, причем, когда одно изображение указывает на ведущую тему жизни, другие могут служить в качестве средств конкретизации и развития темы. Методика дает широкий простор для интерпретаций: разные люди видят в одних и тех же картинках совершенно разные вещи и создают разные личные мифы.

Будет справедливым сказать, что «мифы призвания», ориентированные на будущее, характерны прежде всего для юности. Здесь они доминируют, в то время как в зрелом возрасте «судьба» уже воплощается в делах и творчестве, хотя вопрос о предназначении может латентно постоянно присутствовать во внутреннем мире. К высоким возрастам речь идет уже об «исполнении заданного» и оправданности жизни. Соответственно, к зрелому и пожилому возрасту более актуальны становятся «мифы автобиографии», оценка личного прошлого: так ли прожита жизнь? Есть ли в чем себя упрекнуть? Хотя, пока человек жив, он всегда создает проекты и строит планы, и порой достигает того, чего не могу добиться на предыдущих этапах жизни и судьбы.

Краткое заключение

Человек — существо говорящее, поэтому он рассказывает себе мифы о себе самом. Жизнь, прежде чем состояться, должна быть определенным образом рассказана, пусть не словами, а образами, вспышками интуиций, чувством предстоящих свершений. Миф судьбы сопровождает нас всю жизнь, поворачиваясь разными сторонами: то устремляя нас в перспективу будущего, то глубоко связывая с прошлым, получающим разные толкования. И, конечно, ядром собственной жизненной мифологии выступает человеческое Я. Мы создаем в разные моменты жизненного пути различные версии себя, выковываем в огне событий свою «Я-концепцию», таким образом все моменты изменчивости строятся вокруг некоего *центрального ядра*, мифы ситуативные обрамляют *главный миф*, который, как бы твердея и обретая конкретную форму, строится до конца дней.

Метафора «моей судьбы», проходящая красной нитью через личную биографию, если верить аналитическим психологам и мистикам, относится не к маленькому социальному Эго, а к более глубокой структуре внутреннего мира, который порой называют Самостью, порой — монадой или духом. Факт тот, что осуществление *мифа судьбы* поднимает человека над обыденными потребностями, над мелочным эгоизмом, чисто прагматическими и пошлыми интересами. На то он и миф, чтобы не сводиться к банальности и скуке. И тому, кто еще не сформулировал, не осознал, не прочувствовал свой личный миф, стоит прислушаться к себе, искать его и найти. В позитивном, гуманистическом варианте — это миф о судьбе, которая должна быть прожита творчески, о предстоящем пути, где находят место и созидание, и созерцание, и любовь, где воплощаются в жизнь лучшие силы личности. И он вдохновляет.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Хиллман Дж. Миф анализа. М. 2005. 352 с.
2. Кэмпбелл Дж. Сила мифа. СПб. 2019. 384 с.
3. Голосовкер Я.Э. Логика мифа. М. 1987. 218 с.
4. Лосев А.Ф. Диалектика мифа // Лосев А.Ф. Из ранних произведений. М. 1990. 600 с.
5. Шелер М. *Ordo amoris* // Шелер М. Избранные произведения. М. 1994. 490 с.
6. Зиммель Г. Приключение // Зиммель Г. Избранное. Созерцание жизни. Т. 2: Созерцание жизни. М. 1996. 607 с.

7. Ортега-и-Гассет Х. В поисках Гете // Ортега-и-Гассет Х. Эстетика. Философия культуры. М. 1991. 433 с.
8. Бердяев Н. А. О назначении человека. Опыт парадоксально этики // Бердяев Н.А. О назначении человека. М. 1993. 338 с.
9. Маслоу А. Дальние пределы человеческой психики. СПб. 1997. 430 с.
10. Фромм Э. Человек для самого себя // Фромм Э. Психоанализ и этика. М. 1993. 415 с.
11. Лоуэнталь Д. Прошлое – чужая страна. СПб. 2004. 621 с.
12. Сартр Ж.-П. Слова. М. 1966. 175 с.
13. Нуркова В.В. Сверхенное продолжается: психология автобиографической памяти личности. М. 2000. 320 с.
14. Ингерлейб М.Б. Метафорические ассоциативные карты. Полный курс для практики и развития. СПб. 2019. 176 с.

REFERENCES

1. Hillman Dzh. Mif analiza [Hillman J. The Myth of Analysis]. M. 2005. 352 s. (in Russian)
2. Kempbell Dzh. Sila mifa [Campbell J. The Power of Myth]. SPb. 2019. 384 s. (in Russian)
3. Golosovker YA.E. Logika mifa. M. 1987. 218 s. (in Russian)
4. Losev A.F. Dialektika mifa // Losev A.F. Iz rannih proizvedenij. M. 1990. 600 s. (in Russian)
5. Sheler M. Ordo amoris [Scheler M. Ordo amoris]. // Sheler M. Izbrannye proizvedeniya. M. 1994. 490 s. (in Russian)
6. Zimmel' G. Priklyuchenie [Simmel G. The Adventure] // Zimmel' G. Izbrannoe. Sozercanie zhizni. T. 2: Sozercanie zhizni. M. 1996. 607 s. (in Russian)
7. Ortega-i-Gasset H. V poiskah Gete [Ortega y Gasset J. In search of Goethe from Within]. // Ortega-i-Gasset H. Estetika. Filosofiya kul'tury. M. 1991. 433 s. (in Russian)
8. Berdyayev N. A. O naznachenii cheloveka. Opyt paradoksal'no etiki // Berdyayev N.A. O naznachenii cheloveka. M. 1993. 338 s. (in Russian)
9. Maslou A. Dal'nie predely chelovecheskoj psihiki. [Maslow A. H. The Farther Reaches of Human Nature] SPb. 1997. 430 s. (in Russian)
10. Fromm E. Chelovek dlya samogo sebya [Fromm E. Man for himself]. // Fromm E. Psihoanaliz i etika. M. 1993. 415 s. (in Russian)
11. Louental' D. Proshloe – chuzhaya strana [Lowenthal D. The Past Is a Foreign Country]. SPb. 2004. 621 s. (in Russian)
12. Sartr ZH.-P. Slova [Sartre J.-P. The Words]. M. 1966. 175 s. (in Russian)
13. Nurkova V.V. Svershennoe prodolzhaetsya: psihologiya avtobiograficheskoy pamyati lichnosti. M. 2000. 320 s. (in Russian)
14. Ingerlejb M.B. Metaforicheskie associativnye karty. Polnyj kurs dlya praktiki i razvitiya. SPb. 2019. 176 s. (in Russian)